мерно, спокойно. Периоды эти длинны и не так архитектоничны и не в такой мере амплифицированы, как периоды праздничных «слов» Кирилла Туровского. Но, кроме различия, между двумя ораторами имеется и сходство. Оно было замечено С. Т. Голубевым. Для иллюстрации своей мысли С. Т. Голубев приводил небольшие выдержки из «Слова в неделю цветоносия» Кирилла Туровского.[32]

Рассуждения С. Т. Голубева можно было бы продолжить. Туровский проповедник строит свое праздничное «Слово в неделю цветоносия», заимствуя общую канву изложения из поучения Тита Бострийского «Яко неизмерима глубина. . .», [33] а форму изложения — из «слова» Иоанна Златоуста «Отъ чудесъ на чюдеса господня грядемъ, братие. . .».[34] Мысли Тита Бострийского о ценности пророческих предсказаний и откровении как источнике познания находят отражение и в начале «Слова» Кирилла, и в Речи Моисея. Потому и стилистический период произведения Иоанна Златоуста, начинающийся с анафоры «днесь», имеет место и в проповеди туровского епископа, и в устном выступлении выдубицкого игумена. У Моисея, как и у Кирилла, в каждом стилистическом периоде часто употребляются противопоставления, сравнения, метафорические уподобления, иносказания, символы. Так, например, у Кирилла Туровского читаем: «Радость же нам, братье, днесь и веселье всему миру пришедшаго ради праздника, о немьже пророческая писанья сбытье прияша, творимаго ради вонь Христомь знаменья.

Днесь Христос от Вифанья в Ерусалим въходить, въсѣд на жребя осла, да пророчьство Захарьино сверьшиться, иже рече о нем: „Радуйся зѣло, дщи Сионова! Се бо цесарь твой грядеть кроток, всѣд на жребець ун. Се убо пророчество разумѣюще, веселимся". Душа бо святых дщери горняго Ерусалима нарицаються; жребя же иже от язык вѣровавше вонь людье, ихже, послав апостолы, отрѣши от льсти дьяволя.

Днесь народи противу Исусу изидоша, вайя в руках держаща и тѣмь почесть творяще. . .» и т. д.[35]

Те из присутствующих на торжестве, кому были знакомы проповеди Кирилла Туровского, возможно, чувствовали созвучие Речи Моисея со «Словом в неделю цветоносия», но мысленная аналогия с творением маститого проповедника отнюдь не снижала впечатления от сочинения скромного игумена. Напротив, вспоминалась светлая и радостная обстановка хорошо всем известного евангельского события — входа Иисуса Христа на осляти в Иерусалим, и это воспоминание не контрастировало с тем, что увидели и услышали киевляне 24 сентября 1199 г. в Выдубичах, на берегу Днепра. Основная мысль, которую каждый христианин должен был вынести из проповеди Кирилла, — подражать делам господа — находила аналогию в той мысли, которую возбуждала Речь Моисея — подражать делам князя Рюрика, героя нынешнего торжества.

Игумен Моисей выступает перед слушателями не только как ритор, но и как начитанный книжник, который хорошо знал Священное писание и умел пользоваться его текстами и образами.

Ему были знакомы также сочинения одного из наиболее известных противников Оригена — Мефодия Патарского, или Олимпского, епископа

---

[32] С. Т. Голубев. Подбережная каменная стена. . ., стр. 100, прим. 1.

[33] Соборник. М., 1650, лл. 84 об.—87 об. Ср.: В. П. Виноградов. Уставные чтения, вып. III. Очерки по истории греко-славянской церковно-учительной литературы. Сергиев Посад, 1915, стр. 99—102.

[34] Соборник, лл. 89—90 об.

[35] И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского, IV. — ТОДРЛ, т. XIII, М.—Л., 1957, стр. 409.